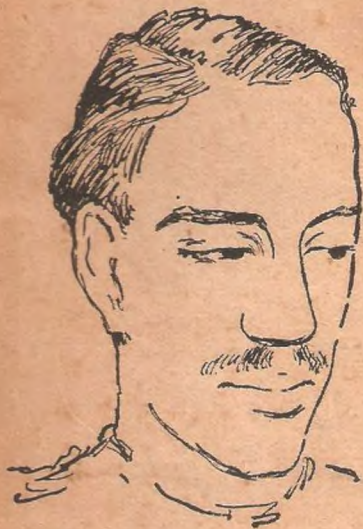

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

ТОМ II

Николай ГУМИЛЕВ

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ
ТОМАХ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

ТОМ II

Регенсбург

1947

Verlag „Posev“

**Permitted by HQ EUCOM, Civil Affairs Division
APO 757**

Druck: Mittelbayerische Zeitung, Regensburg

ЧУЖОЕ НЕБО

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Он мне шепчет: «своевольный,
Что ты так уныл?
Иль о жизни прежней, вольной.
Тайно загрустил?

«Полно! Разве всплески, речи
Сумрачных морей
Стоят самой краткой встречи
С госпожей твоей?

«Так ли с сердца бремя снимет
Голубой простор,
Как она, когда поднимет
На тебя свой взор?

Волен ты предаться гневу,
Коль она молчит,
Но покинуть королеву
Для вассала — стыд».

Так и ночью молчаливой,
Днем и поутру,
Он стоит, красноречивый,
За свою сестру.

ДЕВУШКЕ

Мне не нравится томность
Ваших скрещенных рук,
И спокойная скромность,
И стыдливый испуг.

Героиня романов Тургенева,
Вы надменны, нежны и чисты,
В вас так много безбурно-осеннего
От аллеи, где кружат листья.

Никогда ничему не поверите,
Прежде чем не сочтете, не смерите,
Никогда никуда не пойдете,
Коль на карте путей не найдете.

И вам чужд тот безумный охотник,
Что, взойдя на крутую скалу,
В пьяном счастье, в тоске безотчетной
Прямо в солнце пускает стрелу.

НА МОРЕ

Закат. Как змеи, волны гнутся,
Уже без гневных гребешков,
Но не бегут они коснуться
Непобедимых берегов.

И только издали добредший
Бурун, поверивший во мглу,
Внесется, буйный, сумасшедший,
На' глянцевитую скалу.

И лопнет с гиканьем и ревом,
Подбросив к небу пенный клочок...
Но весел в море бирюзовом
С латинским парусом челнок;

И загорелый кормчий ловок,
Дыша волной растущей мглы
И, от натянутых веревок,
Бодрящим запахом смолы.

СОМНЕНИЕ

Вот я один в вечерний тихий час,
Я буду думать лишь о вас, о вас.

Возьмусь за книгу, но прочту: «она»,
И вновь душа пьяна и смятена.

И брошусь на скрипучую кровать,
Подушка жжет... нет, мне не спать, а
ждать.

И крадучись я подойду к окну,
На дымный луг взгляну и на луну,

Вон там, у клумб, вы мне сказали «да»,
О это «да» со мною навсегда.

И вдруг сознание бросит мне в ответ,
Что вас, покорной, не было и нет,

Что ваше «да», ваш трепет, у сосны
Ваш поцелуй—лишь бред весны и сны.

ОТРЫВОК

Христос сказал: убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих,
Я их возьму в надзвездные селенья,
Я сделаю их рыцарями неба,
И назову славнейшими из славных...
Пусть! Я приму! Но как же те, другие,
Чьей мыслью мы теперь живем и дышим,
Чьи имена звучат нам, как призывы?
Искупят чем они свое величье,
Как им заплатит воля равновесья?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонемым — великий Вольфганг Гете
И Байрон — площадным шутком... о ужас!

ТОТ ДРУГОЙ

Я жду, исполненный укором,
Но не веселую жену
Для душевных разговоров
О том, что было в старину.

И не любовницу: мне скучен
Прерывный шепот, томный взгляд,—
И к упоеньям я приучен,
И к мукам горше во—сто крат.

Я жду товарища, от Бога
В веках дарованного мне,
За то, что я томился много
По вышине и тишине.

И как преступен он, суровый,
Коль вечность променял на час,
Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующие нас.

ВЕЧНОЕ

Я в коридоре дней сомкнутых,
Где даже небо тяжкий гнет,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;

Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,
Все, что дразнило, уловя.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

И тот, кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим усладам,
И ясно милостив к вине;

Учил молчать, учил бороться, —
Всея древней мудрости земли, —
Положит посох, обернется
И скажет просто: «мы пришли».

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Еще близь порта орали хором
Матросы, требуя вина,
А над Стамбулум и над Босфором
Сверкнула полная луна.

Сегодня ночью на дно залива
Швырнут не верную жену,
Жену, что слишком была красива
И походила на луну.

Она любила свои мечтанья,
Беседку в чаще камыша,
Старух гадалщиц, и их гаданья,
И все, что не любил паша.

Отец печален, но понимает
И шепчет мужу: «что ж, пора?»
Но глаз упрямых не поднимает,
Мечтает младшая сестра:

—Так много, много в глухих заливах
Лежит любовников других,
Сплетенных, томных и молчаливых...
Какое счастье быть средь них!

СОВРЕМЕННОСТЬ

Я закрыл Илиаду и сел у окна,
На губах трепетало последнее слово,
Что-то ярко светило — фонарь иль луна.
И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор,
И так много встречал отвечающих взоров,
Одиссеев во мгле пароходных контор,
Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так, в далекой Сибири, где плачет пурга,
Застывают в серебряных льдах
мастодонты,
Их глухая тоска там колышет снега,
Красной кровью — ведь их — зажжены
горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны,
Может быть, мне совсем и не надо героя,
Вот идут по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и
Хлоя.

СОНЕТ

Я верно болен: на сердце туман,
Мне скучно все, и люди, и рассказы,
Мне снятся королевские алмазы
И весь в крови широкий ятаган.

Мне чудится (и это не обман),
Мой предок был татарин косоглазый,
Свирепый гунн... я веяньем заразы,
Через века дошедшей, обуян.

Молчу, томлюсь, и отступают стены —
Вот океан весь в клочьях белой пены,
Закатным солнцем залитой гранит,

И город с голубыми куполами,
С цветущими жасминными садами,
Мы дрались там... Ах!, да! я был убит.

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

В узких вазах томленье умирающих лилий.
Запад был меднокрасный. Вечер был голубой.
О Леконте де Лиле мы с тобой говорили,
О холодном поэте мы грустили с тобой.

Мы не раз открывали шелковистые томы
И читали спокойно и шептали: «не тот!»
Но тогда нам сверкнули все слова, все
истомы,
Как кочевницы звезды, что восходят раз
в год.

Так певучи и странны, в наших душах
воскресли
Рифмы древнего солнца, мир нежданно-
большой,
И сквозь сумрак вечерний, запрокинутый
в кресле,
Резкий профиль креола с лебединой душой.

ОНА

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцаньи
Ее расширенных зрачков.

Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью дольней и отрадной
Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый,
Так странно плавен шаг ее,
Назвать нельзя ее красивой,
Но в ней все счастье мое.

Когда я жажду своеволий,
И смел, и горд — я к ней иду
Учиться мудрой сладкой боли
В ее истоме и бреду.

Она светла в часы томлений .
И держит молнии в руке,
И четки сны ее, как тени
На райском огненном песке.

ЖИЗНЬ

С тусклым взором, с мертвым сердцем в море
броситься со скалы,
В час, когда, как знамя, в небе дымно-розовая
заря,
Иль в темнице стать свободным, как
свободны одни орлы,
Иль найти покой нежданный в дымной
хижине дикаря!

Да, я понял. Символ жизни — не поэт, что
творит слова,
И не воин, с твердым сердцем, не работник,
ведущий плуг,
— С иронической усмешкой царь-ребенок на
шкуре льва,
Забывающий игрушки между белых усталых
рук.

ИЗ ЛОГОВА ЗМИЕВА

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью,
А думал забавницу,
Гадал — своенравницу,
Веселую птицу-певунью.

Покликаешь — морщится,
Обнимешь — топорщится,
А выйдет луна — затомится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, — и хочет топиться.

Твержу ей: «крещеному,
С тобой по-мудреному
Возиться теперь мне не в пору;
Снеси ка истому ты
В Днепровские омуты,
На грешную Лысую гору».

Молчит — только ежится,
И все ей неможется,
Мне жалко ее, виноватую,
Как птицу подбитую,
Березу подрытую
Над участью, Богом заклятою.

Я ВЕРИЛ, Я ДУМАЛ...

Сергею Маковскому

Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец;
Создав, навсегда уступил меня року
Создатель;
Я продан! Я больше не Божий! Ушел
продавец,
И с явной насмешкой глядит на меня
покупатель.

Летящей горою за мною несется Вчера,
А Завтра меня впереди ожидает, как бездна,
Иду... но когда-нибудь в Бездну сорвется
Гора.
Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна.

И если я волей себе покоряю людей,
И если слетает ко мне по ночам вдохновенье,
И если я ведаю тайны — поэт, чародей,
Властитель вселенной — тем будет страшнее
падение.

ОСЛЕПИТЕЛЬНОЕ

Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню
И буду плакать долго, долго,
Припоминая вечера,
Когда не мучило «вчера»
И не томили цепи долга;

И в море врезавшийся мыс,
И одинокий кипарис,
И благосклонного Гуссейна,
И медленный его рассказ,
В часы, когда не видит глаз
Ни кипариса, ни бассейна.

И снова властвует Багдад,
И снова странствует Синдбад,
Вступает с демонами в ссору,
И от египетской земли
Опять уходят корабли
В великолепную Бассору.

Купцам и прибыль и почет.
Но нет, не прибыль их влечет
В нагих степях, над бездной водной;
О тайна тайн, о птица Рок,
Не твой ли дальний островок
Им был звездою путеводной?

Ты уводила моряков
В пещеры джинов и волков,
Хранящих древнюю обиду,
И на висячие мосты
Сквозь темно-красные кусты
На пир к Гаруну-аль-Рашиду.

И я когда-то был твоим,
Я плыл, покорный пилигрим,
За жизнью благодной и мирной,
Чтоб повстречал меня Гуссейн.
В садах, где розовый бассейн,
На берегу за старой Смирной.

Когда-то... Боже, как чисты
И как мучительны мечты!
Ну что же, раньте сердце, раньте. —
Я тело в кресло уроню;
Я свет руками заслоню
И буду плакать о Леванте.

РОДОС

Памяти М. А. Кузьминой-Караваевой

На полях опаленных Родоса
Камни стен и в цвету тополя
Видит зоркое сердце матроса
В тихий вечер с кормы корабля,

Там был рыцарский орден: соборы,
Цитадель, бастионы, мосты,
И на людях простые уборы,
Но на них золотые кресты.

Не стремиться ни к славе, ни к счастью,
Все равны перед взором Отца,
И не дать покорить самовластью
Посвященные небу сердца!

Но в долинах старинных поместий,
Посреди кипарисов и роз,
Говорить о Небесной Невесте,
Охраняющей нежный Родос!

Наше бремя — тяжелое бремя:
Труд зловещий дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время,
Нет, не нас, только наши гроба.

Нам брести в смертоносных равнинах,
Чтоб узнать, где родилась река,
На тяжелых и гулких машинах
Грозовые пронзать облака;

В каждом взгляде тоска без просвета,
В каждом вздохе томительный крик, —
Высыхать в глубине кабинета
Перед пыльными грудями книг.

Мы идем сквозь туманные годы,
Смутно чувствуя веянье роз,
У веков, у пространств, у природы,
Отвоевывать древний Родос.

Но, быть может, подумают внуки,
Как орлята, тоскуя в гнезде:
«Где теперь эти крепкие руки,
Эти души горящие — где?»

ПАЛОМНИК

Ахмет-Оглы берет свою клюку
И покидает город многолюдный.
Вот он идет по рыхлому песку,
Его движенья медленны и трудны.
— Ахмет, Ахмет, тебе-ли старику,
Пускаться в путь неведомый и чудный?
Твое добро враги возьмут сполна,
Тебе изменит глупая жена. —

«Я этой ночью слышал зов Аллаха,
Аллах сказал мне: — Встань, Ахмет-Оглы,
Забудь про все, иди, не зная страха,
Иди, провозглашая мне хвалы;
Где рыжий вихрь вздымает горы праха,
Где носятся хохлатые орлы,
Где лошадь ржет над трупом бедуина,
Туда иди: там Мекка, там Мэдина» —

— Ахмет-Оглы, ты лжешь! Один пророк
Внимал Аллаху, бледный, вдохновенный,
Послом от мира горя и тревог
Он улетел к обители нетленной,
Но он был юн, прекрасен и высок,
И конь его был конь благословенный,
А ты... мы не слышали о после
Плешивом, на задерганном осле. —

Не слушает, упрям старик суровый,
Идет, кряхтит и злость в его мешке,
На нем халат изодранный, а новый,
Лиловый, шитый золотом, в мешке;
Под мышкой посох кованный, дубовый,
Удобный даже старческой руке,
Чалма лежит как требуют шииты,
И десять лир в сандалии защиты.

Вчера шакалы выли под горой
И чья то тень текла неуловимо,
Сегодня усмехались меж собой
Три оборванца, проходивших мимо.
Но ни шайтан, ни вор, ни зверь лесной,
Смиренного не тронут пилигрима,
И в ночь его, должно быть от луны,
Слетают удивительные сны.

И каждый вечер кажется, что вскоре
Окончится терновник и волчцы,
Как в золотом Багдаде, как в Бассоре
Поднимутся узорные дворцы,
И Красное пылающее Море
Пред ним свои расстелет багрецы,
Волшебство синих и зеленых мелей...
И так идет неделя за неделей.

Он очень стар, Ахмет, а путь суров,
Пронзительны полночные туманы,
Он скоро упадет без сил и слов,
Закутавшись дрожа в халат свой рванный,

В одном из тех восточных городов,
Где вечерами шепчутся платаны,
Пока чернобородый муэдзин
Поет стихи про гурию долин.

Он упадет, но дух его бессонный
Аллах не даром дивно окрылил,
Его, как мальчик страстный и влюбленный,
В свои объятия примет Азраил,
И поведет тропою, разрешенной
Для демонов, пророков и светил.
Все, что свершить возможно человеку,
Он совершил — и он увидит Мекку.

ЖЕСТОКОЙ

«Пленительная, злая, неужели
Для вас смешно святое слово: друг?
Вам хочется на вашем лунном теле
Следить касанье только женских рук,

«Прикосновенье губ стыдливо-страстных
И взгляды глаз нетребующих, да?
Ужели до сих пор в мечтах неясных
Вас детский смех не мучил никогда?

«Любовь мужчины — пламень Прометея
И требует и, требуя, дарит,
Пред ней душа, волнуясь и слабея,
Как красный куст горит и говорит.

«Я вас люблю, забудьте сны!» —

В молчаньи

Она, чуть дрогнув, веки подняла,
И, я услышал звонких лир бряцанье
И громовые клетоты орла.

Орел Сафо у белого утеса
Торжественно парил, и красота
Безтенных виноградников Лесбоса
Замкнули богохульные уста.

ЛЮБОВЬ

Надменный, как юноша, лирик
Вошел, не стучася, в мой дом
И просто заметил, что в мире
Я должен грустить лишь о нем.

С капризной ужимкой захлопнул
Открытую книгу мою,
Туфлей лакированной топнул,
Едва проронив: «не люблю».

Как смел он так пахнуть духами!
Так дерзко перстнями играть!
Как смел он засыпать цветами
Мой письменный стол и кровать!

Я из дому вышел со злостью,
Но он увязался за мной,
Стучит изумительной тростью
По звонким камням мостовой.

И стал я с тех пор сумасшедшим.
Не смею вернуться в свой дом
И все говорю о пришедшем
Безстыдным его языком.

БАЛЛАДА

Влюбленные, чья грусть, как облака,
И нежные задумчивые лэди,
Какой дорогой вас ведет тоска,
К какой еще не слыханной победе
Над чарой вам назначенных наследий?
Где вашей вечной грусти и слезам
Целительный предложится бальзам?
Где сердце запылает, не сгорая?
В какой пустыне явится глазам,
Блеснет сиянье розового рая?

Вот я нашел, и песнь моя легка,
Как память о давно прошедшем бреде,
Могучая взяла меня рука,
Уже слетел к дрожащей Андромеде
Персей в кольчуге из горячей меди.
Пускай вдали пылает лживый храм,
Где я теням молился и словам,
Привет тебе, о родина святая!
Влюбленные, пытайте рок, и вам
Блеснет сиянье розового рая.

В моей стране спокойная река,
В полях и рощах много сладкой снеди,
Там аист ловит змей у тростника,
И в полдень, пьяны запахом камеди,
Барахтаются рыжие медведи.
И в юном мире юноша Адам,
Я улыбаюсь птицам и плодам,
И знаю я, что вечером, играя,
Пройдет Христос-младенец по водам,
Блеснет сиянье розового рая.

П о с ы л к а

Тебе, подруга, эту песнь отдам,
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда вела ты, нежа и карая,—
Ты знала все, ты знала, что и нам
Блеснет сиянье розового рая.

УКРОТИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ

... Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом башмачки.

Анна Ахматова.

Снова заученно-смелой походкой
Я приближаюсь к заветным дверям,
Звери меня дожидаются там,
Пестрые звери за крепкой решеткой.

Будут рычать и пугаться бича,
Будут сегодня еще вероломней
Или покорней... не все ли равно мне,
Если я молод и кровь горяча?

Только... я вижу все чаще и чаще
(Вижу и знаю, что это лишь бред)
Странного зверя, которого нет,
Он — золотой, шестикрылый, молчащий.

Долго и зорко следит он за мной
И за движениями всеми моими,
Он никогда не играет с другими
И никогда не придет за едой.

Если мне смерть суждена на арене,
Смерть укротителя, знаю теперь,
Этот, незримый для публики, зверь
Первым мои перекусит колени.

Фанни, завял вами данный цветок,
Вы ж, как всегда, веселы на канате,
Зверь мой, он дремлет у вашей кровати,
Смотрит в глаза вам, как преданный дог.

ОТРАВЛЕННЫЙ

Ты совсем, ты совсем снеговая,
Как ты странно и страшно бледна!
Почему ты дрожишь, подавая
Мне стакан золотого вина?»

Отвернулась печальной и гибкой...
Что я знаю, то знаю давно,
Но я выпью и выпью с улыбкой
Все налитое ею вино.

А потом, когда свечи потушат,
И кошмары придут на постель,
Те кошмары, что медленно душат,
Я смертельный почувствую хмель...

И приду к ней, скажу: «дорогая,
Видел я удивительный сон,
Ах, мне снилась равнина без края,
И совсем золотой небосклон.

«Знай, я больше не буду жестоким,
Будь счастливой, с кем хочешь, хоть
с ним,

Я уеду, далеким, далеким,
Я не буду печальным и злым.

«Мне из рая, прохладного рая,
Видны белые отсветы дня...
И мне сладко — не плачь, дорогая, —
Знать, что ты отравила меня».

У КАМИНА

Наплывала тень, догорал камин,
Руки на груди, он стоял один,

Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:

«Я пробрался в глубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван;

Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города,

И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.

Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы,

Но трусливых душ не было меж нас
Мы стреляли в них, целясь между глаз.

Древний я отрыл храм из под песка,
Именем моим названа река,

И в стране озер, семь больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.

Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна,

Я узнал, узнал, что такое страх,
Заклученный здесь в четырех стенах;

Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны».

И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

МАРГАРИТА

Валентин говорит о сестре в кабаке,
Выхваляет ее ум и лицо,
А у Маргариты на левой руке
Появилось дорогое кольцо.

А у Маргариты спрятан ларец
Под окном в зеленом плюще,
Ей приносит так много серег и колец
Злой насмешник в красном плаще.

Хоть высоко окно в Маргаритин приют,
У насмешника лестница есть;
Пусть так звонко на улицах студенты поют,
Прославляя Маргаритину честь,

Слишком ярки рубины и томен апрель,
Чтоб забыть обо всем, не зная ничего...
Марта гладит любовно полный кошель,
Только... серой несет от него.

Валентин, Валентин, позабуди свой позор,
Ах, чего не бывает в летнюю ночь!
Уж на что Риголетто был горбат и хитер,
И над тем насмеялась родная дочь.

Грозно Фауста в бой ты зовешь, но вотще!
Его нет... Его выдумал девичий стыд;
Лишь насмешника в красном и дырявом
плаще

Ты найдешь... и ты будешь убит.

ОБОРВАНЕЦ

Я пойду по гулким шпалам,
Думать и следить,
В небе желтом, в небе алом
Рельс бегущих нить.

В залы пасмурные станций
Забреду, дрожа,
Коль не сгонят оборванца
С криком сторожа.

А потом мечтой упрямой
Вспомню в сотый раз,
Быстрый взгляд красивой дамы,
Севшей в первый класс.

Что ей, гордой и далекой,
Вся моя любовь?
Но такой голубоокой
Мне не видеть вновь!

Расскажу я тайну другу,
Подтруню над ним,
В теплый час, когда по лугу
Вечер стелет дым.

И с улыбкой безобразной
Он ответит: «Ишь!
Начитался дряни разной,
Вот и говоришь.»

ТУРКЕСТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов,
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.

Приветный голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы,
Нам ничего не говорят,
О том, о чем сказать могли бы.

И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.

Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «к оружию»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;

Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.

Забыли? — нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.

— «Что с вами?» — «Так, нога болит.»
— «Подагра?» — «Нет, сквозная рана.» —
И сразу сердце защежит
Тоска по солнцу Туркестана.

И мне сказали, что никто
Их этих старых ветеранов,
Средь копий Греза и Ватто,
Средь мягких кресел и диванов,

Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Воспоминаньем о невзгодах.

АБИССИНСКИЕ ПЕСНИ

1. ВОЕННАЯ

Носороги топчут наше дурро,
Обезьяны обрывают смоквы,
Хуже обезьян и носорогов
Белые бродяги итальянцы.

Первый флаг забился над Харраром,
Это город раса Маконена,
Вслед за ним проснулся древний
И в Тигрэ заухали гиены. Аксум

По лесам, горам и плоскогорьям
Бегают свирепые убийцы,
Вы, перерывающие горло,
Свежей крови вы напьетесь нынче.

От куста к кусту переползайте,
Как ползут к своей добыче змеи,
Прыгайте стремительно с утесов —
Вас прыжкам учили леопарды.

Кто добудет в битве больше ружей,
Кто зарежет больше итальянцев,
Люди назовут того ашкером
Самой белой лошади негуса.

2. ПЯТЬ БЫКОВ

Я служил пять лет у богача,
Я стерег в полях его коней,
И за то мне подарил богач
Пять быков, приученных к ярму.

Одного из них зарезал лев,
Я нашел в траве его следы,
Надо лучше охранять крааль,
Надо на ночь зажигать костер.

А второй взбесился и бежал,
Звонкою ужаленный осой,
Я блуждал по зарослям пять дней,
Но нигде не мог его найти.

Двум другим подсыпал мой сосед
В пойло ядовитой белены,
И они валялись на земле
С высунутым синим языком.

Заколол последнего я сам,
Чтобы было, чем попировать
В час, когда пылал соседский дом
И вопил в нем связанный сосед.

3. НЕВОЛЬНИЧЬЯ

По утрам просыпаются птицы,
Выбегают в поле газели,
И выходит из шатра европеец,
Размахивая длинным бичем.

Он садится под тенью пальмы,
Обернув лицо зеленой вуалью,
Ставит рядом с собой бутылку виски
И хлещет лентящихся рабов.

Мы должны чистить его вещи,
Мы должны стеречь его мулов,
А вечером есть солонину,
Которая испортилась днем.

Слава нашему хозяину европейцу.
У него такие дальнобойные ружья,
У него такая острая сабля
И так больно хлещущий бич.

Слава нашему хозяину европейцу,
Он храб, но он не догадлив,
У него такое нежное тело,
Его сладко будет пронзить ножом!

4. ЗАНЗИБАРСКИЕ ДЕВУШКИ

Раз услышал бедный абиссинец,
Что далеко, на севере, в Каире
Занзибарские девушки пляшут
И любовь продают за деньги.

А ему давно надоели
Жирные женщины Габеша,
Хитрые и злые сомалийки
И грязные поденщицы Каффы.

И отправился бедный абиссинец
На своем единственном муле
Через горы, леса и степи,
Далеко, далеко на север.

На него нападали воры,
Он убил четырех и скрылся,
А в густых лесах Сенаара
Слон-отшельник растоптал его мула.

Двадцать раз обновлялся месяц,
Пока он дошел до Каира,
И вспомнил, что у него нет денег,
И пошел назад той же дорогой.

БЛУДНЫЙ СЫН

1

Нет дома, подобного этому дому!
В нем книги и ладан, цветы и молитвы!
Но, видишь, отец, я томлюсь по иному!
Пусть в мире есть слезы, но в мире есть
битвы.

На то ли, отец, я родился и вырос,
Красивый, могучий и полный здоровья,
Чтоб счастье побед заменил мне твой
клирос
И гул изумленной толпы — славословья.

Я больше не мальчик, не верю обманам,
Надменность и кротость — два взмаха
кадила,
И Петр не унижится пред Иоанном,
И лев перед агнцем, как во сне Даниила.

Позволь, да твое преумножу богатство,
Ты плачешь над грешным, а я негодую,
Мечем укреплю я свободу и братство,
Свирых огнем научу поцелую.

Весь мир для меня открывается вновь
И я буду князем во имя Господне...
О счастье! О пенье бунтующей крови!
Отец, отпусти меня... завтра... сегодня!..

Как розов за портиком край небосклона!
 Как веселы в пламенном Тибре галеры!
 Пускай приведут мне танцовщиц Сидона
 И Тира и Смирны... во имя Венеры.

Цветов и вина, дорогих благовоний...
 Я праздную день мой в веселой столице!
 Но где же друзья мои, Цинна, Петроний?..
 А вот они, вот они, *salve amice*,

Идите скорей, ваше ложе готово,
 И розы прекрасны, как женские щеки;
 Вы помните верно отцовское слово,
 Я послан сюда был исправить пороки...

Но в мире, которым владеет превратность,
 Постигнув философов римских науку,
 Я вижу один лишь порок — неопрятность,
 Одну добродетель — изящную скуку.

Петроний, ты морщишься? Будь я повешен,
 Коль ты недоволен моим сиракузским!
 Ты, Цинна, смеешься? Неправда ль
потешен
 Тот раб косоглазый и с черепом узким?

Я пададь сволок к тростникам отдаленным
 И пойло для мулов поставил в их стойла;
 Хозяин, я голоден, будь благосклонным,
 Позволь, мне так хочется этого пойла.

За ригой есть куча лежалого сена,
 Быки не едят его, лошади тоже:
 Хозяин, твои я целую колена,
 Позволь из него приготовить мне ложе.

Усталость — работнику помощь плохая,
 И слепнут глаза от соленого пота,
 О, день, только день провести, отдыхая...
 Хозяин, не бей! Укажи, где работа.

Ах, в рощах отца моего апельсины,
 Как красное золото, полднем бездонным,
 Их рвут, их бросают в большие корзины
 Красивые девушки с пенем влюбленным.

И с думой о сыне там бодрствует ночи
 Старик величавый с седой бородою,
 Он грустен... войду и скажу ему: «Отче,
 Я грешен пред Господом и пред тобою».

И в горечи сердце находит уладу:
Вот сад, но к нему подойти я не смею,
Я помню... мне было три года... по саду
Я взапуски бегал с лисицей моею.

Я вырос! Мой опыт мне дорого стоит,
Томило предчувствие, грызла потеря...
Но целое море печали не смоеет
Из памяти этого первого зверя.

За садом возносятся гордые своды,
Вот дом — это дедов моих пепелище,
Он, кажется, вырос за долгие годы,
Пока я блуждал, то распутник, то нищий.

Там празднество: громко хохочет посуда,
Дымятся тельцы и румянится тесто,
Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо,
Вся в белом и с розами, словно невеста.

За ними отец... Что скажу, что отвечу,
Иль снова блуждать мне без мысли и цели?
Узнал... догадался... идет мне навстречу...
И праздник, и эта невеста... не мне ли?!

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Свежим ветром снова сердце пьяно,
Тайный голос шепчет: «все покинь!» —

Перед дверью над кустом бурьяна
Небосклон безоблачен и синь,
В каждой луже запах океана,
В каждом камне веянье пустынь.

Мы с тобою, Муза, быстроноги,
Любим ивы вдоль степной дороги,
Мерный скрип колес и вдалеке
Белый парус на большой реке.
Этот мир, такой большой и строгий,
Что нет места в нем пустой тоске.

Ах, в одном божественном движеньи,
Косным, нам дано преображенье,
В нем и мы — не только отраженье,
В нем живым становится, кто жил...
О пути земные, сетью жил,
Розой вен вас Бог расположил!

И струится, и поет по венам
Радостно бушующая кровь;
Нет конца обетам и изменам,
Нет конца веселым переменам
И отсталых подгоняют вновь
Плетью боли Голод и Любовь.

Дикий зверь бежит из пущей в пущи,
Краб ползет на берег при луне,
И блуждает ястреб в вышине, —
Голодом и Страстью всемогущей
Все больны, — летящий и бегущий,
Плавающий в черной глубине.

Веселы, нежданны и кровавы
Радости, печали и забавы
Дикой и пленительной земли;
Но всегда прекрасней жажда славь,
Для нее рождаются короли,
В океанах ходят корабли.

Что же, Муза, нам с тобою мало,
Хоть нежны мы, быть всегда вдвоем!
Скорбь о высшем в голосе твоём:
Хочешь, мы с тобою уплывем
В страны нарда, золота, коралла
В первой каравелле Адмирала?

С колоколен раздаётся звон,
Видишь? Город... веянье знамен...
Светит солнце, яркое, как в детстве,

Провозвестник радости, не бедствий,
И над портом, словно тяжкий стон,
Слышен гул восторга и приветствий.

Где ж Колумб? Прохожий, укажи!
— «В келье разбирает чертежи
С нашим старым приором Хуаном;
В этих прежних картах столько лжи,
А шутит не должно с океаном
Даже самым смелым капитанам».

Сыплется в узорное окно
Золото и пурпур повечерий,
Словно в зачарованной пещере,
Сон и явь сливаются в одно,
Время тихо, как веретно
Феи-сказки дедовских поверий.

В дорогой кольчуге Христофор,
Старый приор в праздничном убранстве,
А за ними поднимает взор
Та, чей дух — крылатый метеор,
Та, чей мир в святом непостоянстве,
Чье название Муза Дальних Странствий.

Странны и горды обрывки фраз:
«Путь на юг? Там был уже Диас!»...
— Да, но кто слышал его рассказ?... —
«... У страны Великого Могола
Острова»... — Но где же? Море голо.
Путь на юг... — «Сеньор! А Марко Поло?»

Вот взвился над старой башней флаг,
Постучали в дверь — условный знак. —
Но друзья не слышат. В жарком споре —
Что для них отлив, растущий в море!..
Сколько не разобрано бумаг,
Сколько не досказано историй!

Лишь когда в сады спустилась мгла,
Стало тихо и прохладно стало,
Муза тайный долг свой угадала,
Подошла и властно адмирала,
Как ребенка, к славе увела
От его рабочего стола.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Двадцать дней, как плыли каравеллы,
Встречных волн проламывая грудь;
Двадцать дней, как компасные стрелы
Вместо карт указывали путь,
И как самый бодрый, самый смелый
Без тревожных снов не мог заснуть.

И никто на корабле, бегущем
К дивным странам, заповедным кущам,
Не дерзал подумать о грядущем;
В мыслях было пусто и темно;
Хмуρο измеряли лотом дно,
Парусов чинили полотно.

Астрологи в вечер их отплытья
Высчитали звездные события,
Их слова гласили: «все обман».
Ветер слева вспенил океан,
И пугали ужасом наитья
Темные пророчества гитан.

И напрасно с кафедры прелаты
Столько обещали им наград,
Обещали рыцарские латы,
Царства обещали вместо платы,
И про золотой индийский сад
Столько станц гремело и баллад...

Все прошло как сон! А в настоящем —
Смутное предчувствие беды,
Вместо славы — тяжкие труды
И под вечер — призраком горящим,
Злобно ждущим и жестоко мстящим —
Солнце в бездне огненной воды.

Хозе помешался и сначала
С топором пошел на адмирала,
А потом забился в дальний трюм
И рыдал... Команда не внимала,
И несчастный помутневший ум
Был один во власти страшных дум.

По ночам садились на канаты
И шептались — а хотелось быть:
«Если долго вслед за солнцем плыть,
То беды кровавой не избыть:
Солнце в бездне моется проклятой,
Солнцу ненавистен соглядатай!»

Но Колумб забыл бунтовщиков,
Он молчит о лени их и пьянстве;
Целый день на мостике готов,
Как влюбленный, грезить о пространстве;
В шуме волн он слышит сладкий зов,
Уверенье Музы Дальних Странствий.

И пред ним смирялись моряки:
Так над кучей злобные быки
Топчутся, их гонит пастырь горный,

В их сердцах отчаянье тоски,
В их мозгу гнездится ужас черный,
Взор свиреп... и все ж они покорны!

Но не в город, и не под копье
Смуглым и жестоким пикадорам,
Адмирал холодным гонит взором
Стадо оробелое свое,
А туда, в иное бытие,
К новым, лучшим травам и озерам.

Если светел мудрый астролог,
Увидав безвестную комету;
Если, новый отыскав цветок,
Мальчик под собой не чувствует ног;
Если выше счастья нет поэту,
Чем придать нежданный блеск сонету;

Если как подарок нам дана
Мыслей неоткрытых глубина,
Своего не знающая дна,
Старше солнц и вечно молодая...
Если смертный видит отсвет рая,
Только неустанно открывая:

— То Колумб светлее, чем жених
На пороге радостей ночных,
Чудо он духовным видит оком,
Целый мир, неведомый пророкам,
Что залег в пучинах голубых,
Там, где запад сходится с востоком.

Эти воды Богом прокляты!
Этим страшным рифам нет названья!
Но навстречу жадного мечтанья
Уж плывут, плывут, как обещанья,
В море ветви, травы и цветы,
В небе птицы странной красоты.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

— «Берег, берег!..» И чинивший знамя
Замер, прикусив зубами нить,
А державший голову руками
Сразу не посмел их опустить.
Вольный ветер веял парусами,
Каравеллы продолжали плыть.

Кто он был, тот первый, светлоокий,
Что, заведя с палубы высокой
В диком море остров одинокий,
Закричал, как коршуны кричат?
Старый кормщик, рыцарь иль пират,
Чыне он Колумбу — младший брат!

Что один исчислил по таблицам,
Чертежам и выцветшим страницам,
Ночью угадал по вещим снам, —
То увидел в яркий полдень сам
Тот, другой, подобный зорким птицам,
Только птицам, Муза, им и нам.

Словно дети прыгают матросы,
Я так счастлив... нет, я не могу...
Вон журавль, смешной и длинноносый,
Полетел на белые утесы
В синем небе описав дугу,
Вот и берег... мы на берегу.

Престарелый, в полном облачении,
Патер совершил богослуженье,
Он молил: — «О Боже, не покинь
Грешных нас»... — кругом звучало пенье,
Медленная, медная латынь
Породнилась с шумами пустынь.

И казалось, эти же поляны
Нам не раз мерещились в бреду...
Там же на змеистые лианы
С криками взбегали обезьяны;
Цвел волчец; как грешники в аду,
Звонко верещали какаду...

Так же сладко лился в наши груди
Аромат невиданных цветов,
Каждый шаг был так же странно нов
Те же выходили из кустов,
Улыбаясь и крича о чуде,
Красные, как медь, нагие люди.

Ах! не грезил с нами лишь один,
Лишь один хранил в душе тревогу,
Хоть сперва, склонясь, как паладин
Набожный, и он молился Богу,
Хоть теперь целует прах долин,
Стебли трав и пыльную дорогу.

Как у всех матросов, грудь нага,
В левом ухе медная серьга
И на смуглой шее нить коралла,

Но уста (их тайна так строга),
Взор, где мысль гореть не перестала,
Выдали нам, Муза, адмирала.

Он печален, этот человек,
По морю прошедший, как по суше,
Словно шашки,двигающий души
От родных селений, мирных нег
К диким устьям безымянных рек...
Что он шепчет!.. Муза, слушай, слушай!

— «Мой высокий подвиг я совершил,
Но томится дух, как в темном склепе.
О Великий Боже, Боже Сил,
Если я награду заслужил,
Вместо славы и великолепий,
Дай позор мне, Вышний, дай мне цепи!

— «Крепкий мех так горд своим вином,
Но когда вина не стало в нем,
Пусть хозяин бросит жалкий ком!
Раковина я, но без жемчужин,
Я поток, который был запружен, —
Спущенный, теперь уже не нужен». —

Да! пробудит в черни площадной
Только смех бессмысленно-тупой,
Злость в монахах, ненависть в дворянстве
Гений, обвиненный в шарлатанстве!
Как любовник, для игры иной
Он покинут Музой Дальних Странствий...

Я молчал, закрыв глаза плащом,
Как струна, натянутая туго,
Сердце билось быстро и упруго,
Как сквозь сон, я слышал, что подруга
Мне шепнула: «не скорби о том,
Кто Колумбом назван... Отойдем!»

К О Л Ч А Н

К таким неожиданным и певучим бредням
Зовем с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.

Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз, пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространство безымянных
Мечтаний — слабого меня.

О, в сумрак отступающие вещи
И еле слышные духи,
И этот голос, нежный и зловещий,
Уже читающий стихи.

В них плакала какая-то обида,
Звенела медь и шла гроза.
А там, над шкафом, профиль Еврипида
Слепил горящие глаза.

Скамью я знаю в парке; мне сказали;
Что он любил сидеть на ней.
Задумчиво смотря, как сини дали
В червонном золоте аллей.

Там вечером и странно и красиво
В тумане светлый мрамор плит,
И женщина, как серна, боязлива,
Во тьме к прохожему спешит.

Она глядит, она поет и плачет,
И снова плачет и поет.
Не понимая, что все это значит,
Но только чувствуя — не тот.

Журчит вода, протачивая шлюзы,
Сырой травой пахнет мгла,
И жалок голос одинокой музыки,
Последней — Царского Села.

ВОЙНА

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжать шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

А «ура» вдали, как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это — мирное селенье
В самый благостный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как и тех, что гнутся над сохою,
Как и тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи и силы
И победу в светлый час даруй,
Кто поверженному скажет: — Милый.
На прими мой братский поцелуй

ВЕНЕЦИЯ

Поздно. Гиганты на башне
Гулко ударили три.
Сердце ночами бесстрашной,
Путник, молчи и смотри.

Город, как голос наяды,
В призрачно-светлом былом.
Кружев узорных аркады;
Воды застыли кругом.

Верно, скрывают колдуний
Завесы черных гондол.
Там, где они на лагуне —
Тысячи огненных пчел.

Лев на колонне, и ярко
Львиные очи горят,
Держит Евангелье Марка,
Как серафимы, крылат.

И на высотах собора,
Где от мозаики блеск,
Чу! голубиною хора
Вздых, воркованье и плеск.

Может быть, это лишь шутка,
Скал и воды колдовство,
Марево? Путнику жутко,
Вдруг — никого, ничего?

Крикнул. Его не слышали,
Он, оборвавшись, упал
В зыбкие бледные дали
Венецианских зеркал.

СТАРЫЕ УСАДЬБЫ

Дома косые, двухэтажные,
И тут же рига, скотный двор,
Где у корыта гуси важные
Ведут немолчный разговор.

В садах настурции и розаны,
В трудах зацветших — караси,
— Усадьбы старые разбросаны
По всей таинственной Руси.

Порою крестный ход и пение,
Звонят во все колокола,
Бегут, — то значит, по течению
В село икона приплыла.

Русь бредит Богом, красным пламенем,
Где видно ангелов сквозь дым...
Они ж покорно верят знаменьям,
Любя свое, живя своим.

Вот, гордый новою поддевкою,
Идет в гостиную сосед.
Поникнув русою головкою,
С ним дочка — восемнадцать лет.

— «Моя Наташа бесприданница,
Но не отдам за бедняка!» —
И ясный взор ее туманится,
Дрожа, сжимается рука.

— «Отец не хочет... нам со свадьбою
Опять придется погодить». —
Да что! В пруду перед усадьбою
Русалкам бедным плохо ль жить?

В часы весеннего томления
И пляски бедных облаков,
Бывают головокружения
У девушек и стариков.

Но старикам золотоголовые,
Святые, белые скиты,
А девушкам — одни лукавые
Увещеванья пустоты.

О, Русь волшебница суровая,
Повсюду ты свое возьмешь,
Бежать? Но разве любишь новое
Иль без тебя да проживешь?

И не расстаться с амулетами,
Фортуна катит колесо,
На полке, рядом с пистолетами,
Барон Брамбеус и Руссо.

ФРА БЕАТО АНЖЕЛИКО

В стране, где гиппогриф веселый, льва
Крылатого зовет играть в лазури,
Где выпускает ночь из рукава
Хрустальных нимф и венценосных фурий.

В стране, где тихи гробы мертвецов,
Но где жива их воля, власть и сила,
Средь многих знаменитых мастеров
Ах, одного лишь сердце полюбило.

Пускай велик небесный Рафаэль,
Любимец Бога скал, Буонаротти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти.

Но Рафаэль не греет, а слепит,
В Буонаротти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутит,
Ту душу, что поверила в блаженство.

На Фьезоле, средь тонких тополей,
Когда горят в траве зеленой маки,
И в глубине готических церквей,
Где мученики спят в прохладной раке,—

На всем, что делал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.
О да, не все умел он рисовать,
Но то, что рисовал он, — совершенно.

Вот скалы, горы, рыцарь на коне —
Куда он едет, в церковь иль к невесте?
Горит заря на городской стене,
Идут стада по улицам предместий.

Мария держит сына своего,
Кудрявого, с румянцем благородным,
Такие дети в ночь под Рождество
Наверно снятся женщинам бесплодным.

И так не страшен связанным святым
Палач, в рубашку синюю одетый,
Им хорошо под нимбом золотым,
И здесь есть свет, и там — иные светы.

А краски, краски яркие и чисты,
Они родились с ним и с ним погасли,
Преданье есть: он растворял цветы
В епископами освященном масле.

И есть еще преданье: серафим
Слетал к нему, смеющийся и ясный,
И кисти брал и состязался с ним
В его искусстве дивном... но напрасно.

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

РАЗГОВОР

Когда зеленый луч, последний на закате,
Блеснет и скроется, мы не узнаем где;
Тогда встает душа и бродит, как лунатик,
В садах заброшенных, в безлюдьи
площадей.

Весь мир теперь ее, ни ангелам ни птицам
Не позавидует она в тиши аллей.
А тело тащится вослед и тайно злится,
Угрюмо жалуясь на боль свою земле.

— Как хорошо теперь сидеть в кафе
счастливым,
Где над людской толпой потрескивает газ,
И слушать, светлое потягивая пиво,
Как женщина поет «окур де groß»

— Уж карты весело порхают над столами,
Целят скучающих, мирят их с бытием,
Ты знаешь, я люблю горячими руками
Касаться золота, когда оно мое.

— Подумай, каково мне с этой бесноватой,
Воображаемым внимая голосам,
Смотреть на мелочь звезд; ведь очень
                                                небогато
И просто разубрал Всевышний небеса.

Земля по временам сочувственно вздыхает,
И пахнет смолами, и пылью, и травой,
И нудно думает но все-таки не знает,
Как усмирить души мятежной торжество.

[illegible]

— Пускай ушел, и глаз навек сомкнутся
двери,
И пусть истлеет мозг, предавшийся врагу,
А после станешь ты растением или зверем..
Знай, иначе тебе помочь я не могу.

И все идет душа, горда своим уделом,
К несуществующим, но золотым полям,
И все спешит за ней, изнемогая, тело,
И пахнет тлением заманчиво земля.

РИМ

Волчица с пастью кровавой
На белом, белом столбе,
Тебе, увенчанной славой,
По праву привет тебе.

С тобой младенцы, два брата,
К сосцам стремятся припасть.
Они не люди — волчата:
У них звериная масть.

Не правда ль, ты их любила,
Как маленьких, встарь, когда,
Рыча от бранного пыла,
Сжигали они города?

Когда же в царство покоя
Они умчались, как вздох,
Ты долго и страшно воя,
Могилу рыла для трех.

Волчица, твой город тот же,
У той же быстрой реки,
Что мрамор высоких лоджий,
Колонн его завитки.

И лик мадонн вдохновенный,
И храм святого Петра,
Покуда здесь неизменно
Зияет твоя нора,

Покуда жесткие травы
Растут из дряхлых камней
И смотрит месяц кровавый
Железных римских ночей.

И город цезарей дивных,
Святых и великих пап,
Он крепок следом призывным
Косматых, звериных лап.

ПЯТИСТОПНЫЕ ЯМБЫ

Я помню ночь, как черную наяду,
В морях под знаком Южного Креста.
Я плыл на юг; могучих волн громаду
Взрывали мощно лопасти винта,
И встречные суда, очей отраду,
Брала почти мгновенно темнота. .

О как я их жалел, как было странно
Мне думать, что они идут назад
И не остались в бухте необманной,
Что дон Жуан не встретил донны Анны,
Что гор алмазных не нашел Синдбад
И Вечный Жид несчастней во сто крат.

Но проходили месяцы, обратно
Я плыл и увозил клыки слонов,
Картины абиссинских мастеров,
Меха пантер — мне нравились их пятна —
И то, что прежде было непонятно,
Презрение к миру и усталость снов.

Я молод был, был жаден и уверен,
Но дух земли молчал, высокомерен,
И умерли слепящие мечты,
Как умирают птицы и цветы.
Теперь мой голос медлен и размерен,
Я знаю, жизнь не удалась... и ты,

Ты, для кого искал я на Леванте
Нетленный пурпур королевских мантий,
Я проиграл тебя, как Дамаянти
Когда-то проиграл безумный Наль.
Взлетели кости, звонкие, как сталь,
Упали кости — и была печаль.

Сказала ты, задумчивая, строго:
— «Я верила, любила слишком много,
А ухожу, не веря, не любя,
И пред лицом Всевидящего Бога,
Быть может, самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя.» —

Твоих волос не смел поцеловать я,
Ни даже сжать холодных, тонких рук
Я сам себе был гадок, как паук,
Меня пугал и мучил каждый звук.
И ты ушла, в простом и темном платье,
Похожая на древнее распятие.

То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало,
В полях колосья сыпали зерно,
И солнце даже в полдень было ало.

И в реве человеческой толпы,
В гуденьи проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы,

Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: «буди, буди».

Солдаты громко пели, и слова
Невнятны были, сердце их ловило:
— «Скорей вперед! Могила, так могила!
Нам ложем будет свежая трава,
А пологом — зеленая листва,
Союзником — архангельская сила.» —

Так сладко эта песнь лилась, маня,
Что я пошел, и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное, врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молнийных и рдяных тучах.

И счастьем душа обожжена,
Стех самих пор; веселием полна,
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звездами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
И Божьими зовет свои дороги.

Честнейшую честнейших херувим,
Славнейшую славнейших серафим,
Земных надежд небесное свершение,
Она величит каждое мгновенье
И чувствует к простым словам своим
Вниманье, милость и благоволение.

Есть на море пустынном монастырь
Из камня белого, золотоголавый,
Он озарен недремлющею славой.
Туда б уйти, покинув мир лукавый,
Смотреть на ширь воды и неба ширь!...
В тот золотой и белый монастырь!

ПИЗА

Солнце жжет высокие стены,
Крыши, площади и базары.
О, янтарный мрамор Сиены
И молочно-белый Каррары!

Все спокойно под небом ясным;
Вот, окончив псалом последний,
Возвращаются дети в красном
По домам от поздней обедни.

Где ж они, суровые громы
Золотой тосканской долины,
Ненасытная страсть Содомы
И голодный вопль Уголино.

Ах, и мукам счет и уладам
Не веками ведут — годами!
Тибеллины и гвельфы рядом
Задремали в гробах с гербами.

Все проходит, как тень, но время
Остается, как прежде, мстящим,
И бывшее темное бремя
Продолжает жить в настоящем.

Сатана в нестерпимом блеске,
Оторвавшись от старой фрески,
Наклонился с тоской всегдашней
Над кривою пизанской башней.

ЮДИФЬ

Какой мудрейшею из мудрых пифий
Поведан будет нам нелицемерный
Рассказ об иудеянке Юдифи,
О вавилонянине Олоферне?

Ведь много дней томилась Иудея,
Опалена горячими ветрами,
Ни спорить, ни покорствовать не смея,
Пред красными, как зарево, шатрами.

Сотрап был мощен и прекрасен телом,
Был голос у него, как гул сраженья,
И все же девушкой не овладело
Томительное головокруженье.

Но, верно, в час блаженный и проклятый,
Когда, как омут, приняло их ложе,
Поднялся ассирийский бык крылатый,
Так странно с ангелом любви несхожий.

Иль может быть, в дыму кадилниц рея
И вскрикивая в грохоте тимпана,
Из мрака будущего Саломея
Кичилась головой Иоконаана.

СТАНСЫ

Над этим островом какие выси,
Какой туман!
И апокалипсис был здесь написан
И умер Пан.

А есть другие, с пальмами, с дворцами,
Где весел жнец
И где позванивают бубенцами
Стада овец.

И скрипку дивно-выгнутую в руки,
Едва дыша,
Я взял и слушал, как бежала в звуки
Ее душа.

Да, это только чары, что судьбою
Я побежден,
Что ночью звездной дождь над головою,
И звон, и стон.

Я вольный, снова верящий удачам,
Весь мир мне дом,
Целую девушку с лицом горячим
И с жадным ртом.

Но лишь на миг к моей стене от вашей
Опущен мост,
Его сожгут мечи, кресты и чаши
Огромных звезд.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я из дому вышел, когда все спали,
Мой спутник скрывался у рва в кустах,
Наверно на утро меня искали,
Но было поздно, мы шли в полях.

Мой спутник был желтый, худой,
раскосый.

О, как я безумно его любил,
Под пестрой хламидой он прятал косу,
Глазами гадюки смотрел и ныл.

О старом, о странном, о безбольном,
О вечном слагалось его нытье,
Звучало мне звоном колокольным,
Ввергало в истому, в забытье,

Мы видели горы, леса и воды,
Мы спали в кибитках чужих равнин,
Порою казалось — идем мы годы,
Казалось порою — лишь день один.

Когда ж мы достигли стены Китая,
Мой спутник сказал мне: «Теперь
прощай,

Нам разны дороги: твоя — святая,
А мне, мне сеять мой рис и чай.»

На белом пригорке, над полем чайным,
У пагоды ветхой сидел Будда
Пред ним я склонился в восторге тайном,
И было сладко, как никогда..

Так тихо, так тихо над миром дольным,
С глазами гадюки, он пел и пел
О старом, о странном, о безбольном,
О вечном, и воздух вокруг светлел.

ЛЕОНАРД

Три года чума и голод
Разоряли большую страну,
И народ сказал Леонарду:
— Спаси нас, ты тобр и мудр.

Старинных, заветных свитков
Все тайны знал Леонард.
В одно короткое лето
Страна была спасена.

Случились распри и войны,
Когда скончался король,
Народ сказал Леонарду:
— Отныне король наш ты.

Была Леонарду знакома
Война, искусство царей,
Поэты победные оды
Не успевали писать.

Когда же страна усмирилась
И пахарь взялся за плуг,
Народ сказал Леонарду:
— Ты молод, возьми жену.

Спокойный, ясный и грустный,
В ответ молчал Леонард,
А ночью скрылся из замка,
Куда — не узнал никто.

Лишь мальчик — пастух, дремавший
В ту ночь в угрюмых горах,
Говорил, что явственно слышал
Согласный гул голосов.

Как будто орел парящий,
Овен, человек и лев,
Вопили, пели, зывали,
Говорили зараз во тьме.

ПТИЦА

Я не смею больше молиться,
Я забыл слова литаний,
Надо мной грозящая птица
И глаза у нее — огни.

Вот я слышу сдержанный клекот,
Словно звон истлевших цимбал,
Словно моря дальнего рокот,
Моря, бьющего в груди скал.

Вот я вижу — когти стальные
Наклоняются надо мной,
Словно струи дрожат речные,
Озаренные луной.

Я пугаюсь, чего ей надо,
Я не юноша Ганимед?
Надо мною небо Эллады
Не струило свой нежный свет.

Если ж этот голубь Господен
Прилетел сказать — ты готов! —
То за чем же он так несходен
С голубями наших садов.

КАНЦОНЫ

I

Словно ветер страны счастливой,
Носятся жалобы влюбленных,
Как колосья созревшей нивы,
Косятся головы непреклонных.

Запевает араб в пустыне —
«Душу мне вырвали из тела»,
Стонет грек над пучиной синей —
«Чайкой в сердце ты мне влетела».

Красота ли им не покорна!
Теплит гречанка в ночь лампадки,
А подруга араба зерна
Благовонные жарит в палатке.

Зов один от края до края,
Шире, все шире и чудесней,
Угадали ли вы, дорогая,
В этой бессвязной и бедной песне?

Дорогая с улыбкой летней,
С узкими, слабыми руками,
И, как мед двухтысячелетний,
Душными черными волосами.

II

Об Адонисе с лунной красотой,
О Гиацинте тонком, о Нарциссе,
И о Данае, туче золотой,
Еще грустят аттические выси.

Грустят валы ямбических морей,
И журавлей кочующие стаи,
И пальма, о которой Одиссей
Рассказывал смущенной Навзикае.

Печальный мир не очаруют вновь
Ни кудри душные, ни взор призывный,
Ни лепестки горячих губ, ни кровь,
Стучавшая торжественно и дивно.

Правдива смерть, а жизнь бормочет
И ты, о нежная, чье имя — пенье, ^{ложь ...}
Чье тело — музыка, и ты идешь
На беспощадное исчезновение.

Но, мне, увы, неведомы слова —
Землетрясения, громы, водопады,
Чтоб и по смерти ты была жива,
Как юноши и девушки Эллады.

ПЕРСЕЙ

Скульптура Кановы.

Его издавна любят музы,
Он юный, светлый, он — герой,
Он поднял голову Медузы
Стальной стремительной рукой.

И не увидит он, конечно,
Он, в чьей душе всегда гроза,
Как хороши, как человечны,
Когда-то страшные глаза.

Черты измученного болью
Теперь прекрасного лица...
— Мальчишескому своеволью
Нет ни преграды, ни конца.

Вон ждет нагая Андромеда,
Пред ней свивается дракон,
Туда, туда, за ним победа
Летит, крылатая, как он.

СОЛНЦЕ ДУХА

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокочущей трубе побед?

Как могли мы... но еще не поздно,
Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму:
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Прошел патруль, стуча мечами,
Дурной монах прокрался к милой,
Над островерхими домами
Неведомое опочило.

Но мы спокойны, мы поспорим
Со стражами Господня гнева,
И пахнет звездами и морем
Твой плащ широкий, Женевьева.

Ты помнишь ли, как перед нами
Встал храм, чернеющий во мраке,
Над сумрачными алтарями
Горели огненные знаки.

Торжественный, гранитнокрылый,
Он охранял наш город сонный,
В нем пели молоты и пилы,
В ночи работали масоны.

Слова их скупы и случайны,
Но взоры ясны и упрямы,
Им древние открыты тайны,
Как строить каменные храмы.

Поцеловав порог узорный,
Свершив коленопреклоненье,
Мы попросили, так покорно
Тебе и мне благословенье.

Великий мастер с нивелиром
Стоял средь грохота и шума
И прошептал: «Идите с миром,
Мы побеждаем Вельзевула».

Пока они живут на свете,
Творят закон святого сева,
Мы смело можем быть, как дети,
Любить друг друга, Женевьева.

ПАДУАНСКИЙ СОБОР

Да, этот храм и дивен и печален,
Он — искушение, радость и гроза,
Горят в окошечках исповедален
Желаньем истомленные глаза.

Растет и падает напев органа,
И вновь растет полнее и страшней,
Как будто кровь, бунтующая рьяно
В гранитных венах сумрачных церквей.

От пурпура, от мучеников томных,
От белизны их обнаженных тел,
Бежать бы из под этих сводов темных,
Пока соблазн душой не овладел.

В глухой таверне старого квартала
Сесть на терассе и спросить вина,
Там от воды приморского канала
Совсем зеленой кажется стена.

Скорей! Одно последнее усилие!
Но вдруг слабешь, выходя во двор,—
Готические башни, словно крылья,
Католицизм в лазури распростер.

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Нет, я не в том тебе завидую
С такой мучительной обидою,
Что уезжаешь ты и вскоре
На Средиземном будешь море.

И Рим увидишь, и Сицилию,
Места любезные Вергилию,
В благоухающей лимонной
Трущобе сложишь стих влюбленный.

Я это сам не раз испытывал,
Я солью моря грудь пропитывал,
Над Арно, Данте чтя обычай,
Слагал сонеты Беатриче.

Что до природы мне, до древности,
Когда я полон жгучей ревности,
Ведь ты во всем ее убранстве
Увидел музу дальних странствий.

Ведь для тебя в руках изменницы
В хрустальном кубке нектар пенится,
И огнедышащей беседы
Ты знаешь молнии и бреды.

А я, как некими гигантами,
Торжественными фолиантами,
От вольной жизни заперт в нишу,
Ее не вижу и не слышу.

СНОВА МОРЕ

Я сегодня опять услышал,
Как тяжелый якорь ползет,
И я видел как в море вышел,
Пятипалубный пароход.
Оттого-то и солнце дышет,
А земля говорит, поет.

Неужель хоть одна есть крыса
В грязной кухне, иль червь в коре,
Хоть один, беззубый и лысый
И помешанный на добре,
Что на слышит песен Уллиса,
Призывающего к игре.

Ах, к игре с трезубцем Нептуна,
С косами диких нереид,
В час, когда буруны, как струны,
Звонко лопаются, и дрожит.
Пена в них или груди юной,
Самой нежной из Афродит.

Вот и я выхожу из дома
Повстречаться с юной судьбой,
Целый мир, чужой и знакомый,
Породниться готов со мной:
Берегов изгибы, изломы,
И вода, и ветер морской.

Солнце духа, ах, беззакатно
Не земле его побороть,
Никогда не вернусь обратно,
Усмиряя детскую плоть,
Если лето благоприятно,
Если любит меня Господь.

Полночь сошла, непроглядная темень,
Только река от луны блестит,
А за рекой неизвестное племя,
Зажигая костры, шумит.

Завтра мы встретимся и узнаем,
Кому быть властителем этих мест,
Им помогает черный камень,
Нам — золотой нательный крест.

Вновь обхожу я бугры и ямы,
Здесь будут вещи, мулы — тут;
В этой унылой стране Сидана
Даже деревья не растут.

Весело думать: если мы одолеем, —
Многих уже одолели мы, —
Снова дорога желтым змеем
Будет вести с холмов на холмы.

Если же завтра волны Уэби
В рев свой возьмут мой предсмертный
вдох,
Мертвый увижу, как в бледном небе
С огненным черный борется Бог.

Восточная Африка 1913 г.

НАСТУПЛЕНИЕ

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот странный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрей взлетают клинки,

Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

СМЕРТЬ

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерти,
Лишь под пулями в рвах спокойных
Веришь в зная Господне, твердь.

И за это знаешь так ясно,
Что в единственный, строгий час,
В час, когда, словно облак красный,
Милый день уплывет из глаз,

Свод небесный будет раздвинут
Пред душою, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту.

Там начальник в ярком доспехе,
В грозном шлеме звездных лучей,
И к старинной, бранной потехе
Огнекрылых зов трубачей.

Но и здесь на земле не хуже
Та же смерть — ясна и проста:
Здесь товарищ над повшим тужит
И целует его в уста.

Здесь священник в рясе дырявой
Умиленно поет псалом,
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом.

Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда,
Все что смещит ее, надменную,—
Моя единая отрада.

Победа, слава, подвиг — бледные
Слова, затерянные ныне,
Гремят в душе, как громы медные,
Как голос Господа в пустыне.

Всегда ненужно и непрошено
В мой дом спокойствие входило;
Я клялся быть стрелою, брошенной
Рукой Немврода иль Ахилла.

Но, нет, я не герой трагический,
Я ироничнее и суше,
Я злюсь, как идол металлический
Среди фарфоровых игрушек.

Он помнит головы курчавые,
Склоненные к его подножью,
Жрецов молитвы величавые,
Грозу — в лесах, объятых дрожью.

И видит, горестно-смеющийся,
Всегда недвижимые качели,
Где даме с грудью выдающейся
Пастух играет на свирели.

Какая странная нега
В ранних сумерках утра,
В таяньи вешнего снега
Во всем, что гибнет и мокро.

Золотоглазой ночью
Мы вместе читаем Данте,
Сереброкудрой зимой
Нам снились розы Леванта.

Утром вставай, тоскуя,
Грусти и радуйся скупю,
Весной проси поцелуя
У женщины милой и глупой.

Цветы, что я рвал ребенком
В зеленом драконьем болоте,
Живые, на стебле тонком,
О где вы теперь цветете?

Ведь есть же мир лучезарней,
Что недоступен обидам,
Краснощеких афинских парней,
Хохотавших над Еврипидом.

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что влюбил и сушу и море,—
Весь дремучий сон бытия;

Что моя молодая сила
Не смирилась перед Твоей,
Что так больно сердце томила
Красота Твоих дочерей.

Но любовь разве цветик алый,
Что ей лишь мгновение жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить?

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущем ты подумай,
Я и так погубил одну.

СЧАСТИЕ

1

Больные верят в розы майские,
И нежны сказки нищеты,
Заснув в тюрьме, веденья райские
Наверняка увидишь ты.

Но нет тревожней и заброшенной —
Печали посреди шелков,
И я принцессе на горошине
Всю кровь отдать мою готов.

2

— Хочешь, горбун, поменяться
Своею судьбою с моей,
Хочешь шутить и смеяться,
Быть вольной птицей морей?»

Он подозрительным взглядом
Смерил меня всего:
— Уходи, не стой со мной рядом,
Не хочу от тебя ничего!»

3

У муки столько струн на лютне,
У счастья нету ни одной,
Взлетевший в небо бесприютней,
Чем опустившийся на дно.

И заклинаящий проказу,
Сказавший деве — Галифа!..
... Ему дороже нищий Лазарь
Великолепного волхва.

4

Ведь я не грешник, о Боже,
Не святотатец, не вор,
И я верю, верю, за что же
Тебя не видит мой взор?

Ах, я не живу в пустыне,
Я молод, весел, пою,
И ты, я знаю, отринешь
Бедную душу мою!

5

В мой самый лучший светлый день,
В тот день Христова Воскресенья,
Мне вдруг приснилось искупленье,
Какого я искал везде.

Мне вдруг почудилось, что нем,
Изранен, наг, лежу я в чаще,
И стал я плакать надо всем
Слезами радости кипящей.

ВОСЬМИСТИШИЕ

Ни шороха полночных далей,
Ни песен, что певала мать,
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять.

И символ горнего величья,
Как некий благодный завет
Высокое косноязычье
Тебе даруется, поэт.

ДОЖДЬ

Сквозь дождем забрызганные стекла
Мир мне кажется рябым;
Я гляжу: ничто в нем не поблекло
И не сделалось чужим.

Только зелень стала чуть зловещей,
Словно пролит купорос,
Но зато рисуется в ней резче
Круглый куст кровавых роз.

Капли в лужах плещутся размерней
И бормочут свой псалом,
Как монашенки в часы вечерни
Торопливым голоском.

Слава, слава небу в тучах черных
То — река весною, где
Вместо рыб стволы деревьев горных
В мутной мечутся воде.

В гиблых омутах волшебных мельниц
Ржанье бешеных коней,
И душе несчастнейшей из пленниц,
Так и легче и вольней.

ВЕЧЕР

Как этот вечер грузен, не крылат!
С надтреснутою дыней схож закат.

И хочется подталкивать слегка
Катящиеся вяло облака.

В такие медленные вечера
Коней карьером гонят кучера,

Сильней веслом рвут воду рыбаки,
Ожесточенней рубят лесники

Огромные, кудрявые дубы...
А те, кому доверены судьбы

Вселенское движение и в ком
Всех ритмов бывших и небывших дом.

Слагают окрыленные стихи,
Расковывая косный сон стихий.

ГЕНУЯ

В Генуе, в палаццо дожей,
Есть старинные картины,
На которых странно схожи
С лебедями бригаантины.

Возле них, сойдясь гурьбою,
Моряки и арматоры,
Все ведут между собою
Вековые разговоры.

С блеском глаз, с усмешкой важной,
Как живые, неживые...
От залива ветер влажный
Спутал бороды седые.

Миг один, и будет чудо;
Вот один из них, смелея,
Спросит: — «Вы синьор, откуда,
Из Ливорно иль Пирея?

Если будете в Братанте,
Там мой брат торгует летом,
Отвезите бочку кьянти
От меня ему с приветом».

КИТАЙСКАЯ ДЕВУШКА

Голубая беседка
Посредине реки,
Как плетеная клетка,
Где живут мотыльки.

И из этой беседки
Я смотрю на зарю,
Как качаются ветки
Иногда я смотрю;

Как качаются ветки,
Как скользят челноки,
Огибая беседки
Посредине реки.

У меня же в темнице
Куст фарфоровых роз,
Металлической птицы
Блещет золотом хвост

И, не веря в приманки,
Я пишу на шелку
Безмятежные танки
Про любовь и тоску.

Мой жених все влюбленней;
Пусть он лыс и устал,
Он недавно в Кантоне
Все экзамены сдал.

РАЙ

Апостол Петр, бери свои ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

Святой Фома с отцами церкви там
Покажет, что я в догматах был прям.

Георгий пусть поведает о том,
Как в дни войны сражался я с врагом,

Святой Антоний может подтвердить,
Что плоти я никак не мог смирить.

Но и святой Цецилии уста,
Прошепчут, что душа моя чиста.

Мне часто снились райские сады,
Среди ветвей румяные плоды,

Лучи и ангельские голоса,
Внемировой природы чудеса.

И знаешь ты, что утренние сны
Как предзнаменования нам даны.

Апостол Петр, ведь если я уйду
Отвергнутым, что делать мне в аду?

Моя любовь растопит адский лед,
И адский огонь слеза моя зальет.

Перед Тобою темный серафим
Появится ходатаем моим.

Не медли более, бери ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

ИСЛАМ

В ночном кафэ мы молча пили кьянти,
Когда вошел, спросивши шерри-бренди,
Высокий и седеющий эффенди,
Враг злейший христиан во всем Леванте.

И я ему заметил: — «Перестаньте,
Мой друг, презрительного корчить дэнди,
В тот час, когда, быть может, по легенде
В зеленый сумрак входит Дамаянти». —

Но он, ногою тупнув, крикнул: — «Бабы!
Вы знаете ль, что черный камень Кабы
Поддельным признан был на той неделе?» —
Потом вздохнул, задумавшись глубоко,
И прошептал с печалью: — «Мыши съели
Три волоска из бороды Пророка»:

БОЛОНЬЯ

Нет воды вкуснее, чем в Романье,
Нет прекрасней женщин, чем в Болонье,
В лунной мгле разносятся признанья,
От цветов струится благовонье.

Лишь фонарь идущего вельможи
На мгновенье выхватит из мрака
Между кружев розоватость кожи,
Длинный ус, что крутит забияка.

И его скорей проносит мимо,
А любовь глядит и торжествует.
О, как пахнут волосы любимой,
Как дрожит она, когда целует.

Но вино, чем слаще, тем хмельнее,
Дама, чем красивей, тем лукавей,
Вот уже уходят ротозеи
В тишине мечтать о высшей славе.

И они придут, придут до света
С мудрой думой о Юстиниане
К темной двери университета,
Векового логовища знаний.

Старый доктор сгорблен в красной тоге,
Он законов ищет в беззаконьи,
Но и он порой волочит ноги
По веселым улицам Болоньи.

СКАЗКА

На скале, у самого края,
Где река Елизабет, протекая,
Скалит камни, как зубы, был замок.

На его зубцы и бойницы
Прилетали тощие птицы,
Глухо каркали, предвещая.

А внизу, у самого склона,
Залегала берлога дракона,
Шестиногого, с рыжею шерстью.

Сам хозяин был черен, как в дегте,
У него были длинные когти,
Гибкий хвост под плащом он прятал.

Жил он скромно, хотя не медведем,
И известно было соседям,
Что он просто напросто дьявол.

Но соседи его были тоже
Подозрительной масти и кожи —
Ворон, оборотень и гиена.

Собирались они и до света
Были у реки Елизабеты,
А потом в долине играли

И так быстро летело время,
Что простое крапивное семя
Успевало взойти крапивой.

Это было ещё до Адама,
В небесах жил не Бог, а Брама,
И на все он смотрел сквозь пальцы.

Жить, да жить бы им без печали!
Но однажды в ночь переспали
Вместе оборотень и гиена.

И родился у них ребенок,
Не то птица, не то котенок,
Он радушно был взят в кампанию.

Вот собрались они, как обычно
И, повыв над рекой отлично,
Как всегда, за игру засели:

И играли, играли, играли,
Как играть приходилось едва ли
Им, до одури, до одышки.

Только выиграл все ребенок:
И бездонный пивной боченок,
И поля, и уголья, и замки.

Закричал, раздувшись, как груда: —
«Уходите вы все отсюда,
Я ни с кем не стану делиться.

«Только добрую, старую маму
Посажу я в ту самую яму,
Где была берлога дракона».

Вечером по берегу Елизабета
Ехала черная карета,
А в карете сидел старый дьявол.

Позади тащились другие,
Озабоченные, больные,
Глухо кашляя, подвывая.

Кто храбрился, кто ныл, кто сердился..
А тогда уж Адам родился.
Бог спаси Адама и Еву.

НЕАПОЛЬ

Как эмаль сверкает море,
И багряные закаты
На готическом соборе,
Словно гарпии, крылаты.

Но какой античной грязью
Полон город, и не вдруг
К золотому безобразью
Нас приучит буйный юг.

Пахнет рыбой и лимоном
И духами парижанки,
Что под зонтиком зеленым
И несет креветок в банке,

А за кучею навоза
Два косматых старика
Режут хлеб... Сальватор Роза
Их провидел сквозь века.

Здесь не жарко, с моря веют
Белобрысы туманы,
Все хотят и все не смеют
Выйти в полночь на поляны,

Где седые, грозовые
Скалы высятся венцом,
Где засела малярия
С желтым бешеным лицом.

И, как птица с трубкой в клюве,
Поднимая острый гребень,
Гладко нежится Везувий,
Расплескавшись в сонном небе.

Бьются облачные кони,
Поднимаясь на зенит,
Но, как истый ланцарони,
Все дышит он и храпит.

СТАРАЯ ДЕВА

Жизнь печальна, жизнь уныла,
И не сжалится никто;
Те же вазочки в гостиной,
Те же рамки и пальто.

Томик пыльный, томик серый
Я беру, тоску кляня;
Но и в книгах кавалеры
Влюблены, да не в меня.

А меня совсем иною
Отражают зеркала,
Я наяда под луною
В зыби водного стекла

В глубине средневековья
Я принцесса, что дрожа,
Принимает славословья
От красивого паж.

Иль на празднике Версаля
В час, когда заснет земля,
Взоры юношей печала,
Я пленяю короля.

Иль влюблен в мои романсы
Весь парижский полусвет,
Так, что мне слагает стансы
С львиной гривой поэт.

Выйду замуж, буду дамой,
Злой и верною женой,
Но мечте моей упрямой
Никогда не стать иной.

И за то за мной, усталой,
Смерть прискочет на коне,
Словно рыцарь с розой алой
На чешуйчатой броне.

ПОЧТОВЫЙ ЧИНОВНИК

Ушла... Завяли ветки
Сирени голубой,
И даже чижи́к в клетке
Заплакал надо мной.

Что пользы, глупый чижи́к,
Что пользы нам грустить,
Она теперь в Париже,
В Берлине, может быть.

Страшнее страшных пугал
Красивым честный путь,
И нам в наш тихий угол
Беглянки не вернуть.

От Знаменья псаломщик
В цилиндре на боку,
Большой, костлявый, тощий
Зайдет попить чайку.

На днях его подруга
Ушла в веселый дом,
И мы теперь друг друга
Наверное пойдем.

Мы нечего не знаем,
Ни как, ни почему,
Весь мир необитаем,
Неясен он уму.

А песню вырвет мука,
Так старая она:
— «Разлука ты, разлука,
Чужая сторона».

БОЛЬНОЙ

В моем бреду одно меня томит:
Каких-то острых линий бесконечность,
И непрерывно колокол звонит,
Как бой часов отзванивал бы вечность.

Мне кажется, что после смерти так
С мучительной надеждой воскресенья
Глаза вперяются в окрестный мрак,
Ища давно знакомые влечения.

Но в океане первозданной мглы
Нет голосов, и нет травы зеленой,
А только кубы, ромбы, да углы,
Да злые, нескончаемые звоны.

О, хоть бы сон постиг меня скорей!
Уйти бы, как на праздник примиренья,
На желтые пески седых морей,
Считать большие, бурые камни.

ОДА Д'АННУНЦИО

Опять волчица на столбе
Рычит в огне багряных светов...
Судьба Италии — в судьбе
Ее торжественных поэтов.

Был Августов высокий век,
И золотые строки были,
Спокойней величавых рек
С ней разговаривал Вергилий.

Был век печали, и тогда,
Как враг в ее стучался двери,
Бежал от мирного труда
Изгнанник бледный Алигьери.

Униженная до конца,
Страна, веселием обята,
Короновала мертвеца
В короновании Торквата.

И в дни прекраснейшей войны,
Которой кланяюсь я земно,
К которой зависти полны
И Александр и Агамемнон.

Когда все лучшее, что в нас
Таилось скупое и суровое,
Вся сила духа, доблесть рас,
Свои разрушило оковы.

Слова: «Встает великий Рим,
Берите ружья, дети горя...»
— Грозней громов, внимая им,
Толпа, взволнованнее моря.

А море синей пеленой
Легло вокруг, как мощь и слава
Италии, как щит святой
Ее стариннейшего права.

А горы стынут в небесах,
Загадочны и незнакомы,
Там зреют молнии в лесах,
Там чутко притаились громы.

И, конь встающий на дыбы,
Народ поверил в правду света,
Вручая страшные судьбы
Рукам изнеженным поэта.

И все поют, поют стихи
О том, как вольные народы
Живут, как образы стихий
Ветра, и пламени, и воды.

ДВА ОТРЫВКА

(Из абиссинской поэмы)

... Они бежали до утра,
На день прятались в кустах,
И хороша была пора
В благоухающих цветах.

Они боялись: их найдут!
Кругом сновал веселый люд,
Рабы, монахи, иногда
На белых мулах господа,
Купцы из дальней сотроны
И в пестрых тряпках колдуны;
Поклонник дьявола порой
С опущенною головой
Спешил в нагорный Анкобер,
Где в самой мрачной из пещер
Живет священная змея,
Земного мать бытия.
А ночь настала — снова в путь!
Успели за день отдохнуть
Итти им вдвое веселей
Средь темных и пустых полей.

И наблюдать с хребта горы
Кой где горящие костры;
Гиена взвояет на пути,
Но не посмеет подойти;

В прохладной тине у реки
Вздохнут усталые быки,
И вновь — такая тишина,
Что слышно, как плывет луна.

Потом пошли они в глуши,
Где не встречалось ни души,
Где только шелканье стрекоз
Звенело в зарослях мимоз.

И чудился между диких скал.
Зверей неведомых оскал.

Луны уж не было; и высь
Как низкий потолок была,
Но звезды крупные зажглись,
И стала вдруг она светла.

Переливалась... а внизу
Стеклянный воздух ждал, грозу.
И слышат путники вдали
Удары бубна из земли,
И видят путники: растет
Во мгле сомнительный восход.

Пред ними странный караван,
Как будто огненный туман,
Пятьсот огромных негров в ряд
Горящие стволы влачат.

Другие пляшут и поют,
Трубят в рога и в бубны бьют,
А на носилках из парчи
Царевна смотрит и молчит.
То дочка Магомет-Али,
Купца из Иеменской земли,
Которого нельзя не знать,
Так важен он, богат и стар.
Из Дире-Дауре в Харрар.

В арабских сказках принца нет,
Калифа, чтобы ей сказать:
— Моя жемчужина, мой свет,
Позвольте мне вам жизнь отдать».
В арабских сказках гурий нет
Чтоб с этой девушкой сравнять.

...И лишь тогда бывал он рад,
Когда глядел на водопад,
Клоками пены ледяной
Дробящийся под крутизной.
К нему тропа, где вечно мгла,
В колючих зарослях вела.
А ниже, около воды,
Виднелись странные следы,
И каждый знал, что неспроста
Там тишина и темнота,
И даже птицы не поют,
Чтоб оживить глухой приют.

Там раз в столетие трава,
Шурша вскрывается, как дверь,
С рогами серны, с мордой льва
Приходит пить какой-то зверь.
Кто знает, где он был сто лет
И почему так стонет он
И замечает лапой след?

Хоть только ночь со всех сторон?
О только ночь, черна, как смоль,
И страх, и буйная вода,
И в столах раненого боль,
Не гаснущая никогда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ЧУЖОЕ НЕБО

Ангел хранитель	5
Девушке	6
На море	7
Сомнение	8
Отрывок.	9
Тот другой	10
Вечное	11
Константинополь	12
Современность	13
Сонет	14
Онажды вечером	15
Она	16
Жизнь	17
Из логова змиева	18
Я верил, я думал	21
Ослепительное	23
Родос	25
Жестокой	30
Любовь	31
Баллада	32
Паломник	27
Укротитель зверей.	34
Отравленный	36
У камина	37
Маргарита	39
Оборванец.	40

	Стр.
Туркестанские генералы	41
Абиссинские песни	43
Блудный сын	49
Открытие Америки	53

КОЛЧАН

К таким неожиданным	67
Война	69
Венеция	70
Старые усадьбы	72
Фра Беато Анжелико	74
Разговор	74
Рим	78
Пятистопные ямбы	80
Пиза	84
Юдифь	85
Стансы	86
Возвращение	87
Леонард	89
Падуанский собор	98
Птица	91
Канцоны	92
Персей	94
Солнце духа	95
Средневековье	96
Отъезжающему	99
Снова море	100
Полночь сошла	102

	Стр.
Наступление	103
Смерть	104
Видение	105
Счастье	109
Восмистишие	111
Дождь	112
Вечер	113
Генуя.	114
Китайская девушка	115
Рай	117
Ислам	119
Болонья -	120
Сказка	121
Неаполь	124
Старая дева	126
Почтовый чиновник	128
Больной	130
Ода Д'аннунцио	131
Два отрывка	133